Новые разделительные линии на постсоветском пространстве

Сергей Минасян

Региональный уровень – постсоветское пространство

Одной из ключевых причин появления разделительных линий на постсоветском пространстве является процесс национального строительства и этнического размежевания. Надо учесть, что разделительные линии проходят не только по периметру и границам постсоветского пространства, между Россией и условным «политическим Западом» (ЕС и США), но и между основными постсоветскими акторами. Это обусловлено тем, что многие государства, получив независимость в 1991 году, еще не завершили этап своего этнического и национального становления, а некоторые находятся в активной фазе этого процесса.

Этно-национальное строительство на постсоветском пространстве укладывается в геллнеровский постулат о том, что политическая составляющая этого процесса имеет тенденцию совмещения этнических и политических границ государств. Как результат, распад СССР привел к возникновению (или возобновлению) многих кровавых этнополитических конфликтов на его пространстве – наиболее явных причин появления разделительных линий и размежевания государств постсоветского пространства, а также конфликтного вовлечения внешних игроков.

Ситуация усугубляется наследием тоталитарной коммунистической системы, приводящим к очевидным проблемам во внутриполитическом поле постсоветских стран. К примеру, приводя к патримониальному характеру политических режимов, преимущественно авторитарных или в лучшем случае «гибридных». Низкая легитимность политических элит, сложная экономическая ситуация (некоторые постсоветские страны за четверть века даже не успели демонтировать советскую экономическую систему), усиление стимулов у населения к более открытому и справедливому участию в политической жизни и распределению социальных благ – все это подталкивает руководство большинства постсоветских стран играть на националистических настроениях. Это приводит к

еще большему усугублению внешних противоречий между постсоветскими странами, патовой ситуации в урегулировании этнополитических конфликтов, создает благоприятное поле для геополитического и идеологического вовлечения внешних акторов.

Идеологические и исторические предубеждения и взаимные фобии также являются важнейшими источниками появления разделительных линий на постсоветском пространстве. Наиболее наглядно это проявляется в сущности нынешнего противостояния России и Запада, которое происходит в политической, военно-политической, экономической, а также в идеологической и культурной сферах. Условно говоря, происходит жесткое столкновение западной неолиберальной парадигмы и попыток российской политической элиты взять на себя роль проводника и защитника консервативных подходов.

По очевидным причинам (своим масштабам и ресурсам, а также военно-политической и исторической роли в региональной и глобальной политике) российский фактор является ключевым для понимания истоков появления и углубления разделительных линий на постсоветском пространстве. В академическом и политическом дискурсах налицо поляризация оценок того, какой путь проходит нынешняя Россия и куда она движется.

Являются ли действия России на постсоветском пространстве и на глобальной арене всего лишь отражением постимперского синдрома и необходимостью сохранения нынешнего политического режима? Или же это процесс рождения русского (российского) национального государства? Можно ли говорить о взаимном противопоставлении концептов «возрождения СССР» и нового национального государства (чуть ли не в традиции европейских национальных государств XIX в., символом чего стал недоконченный проект Новороссии в начале украинского кризиса)? Или же все это симптомы одного и того же процесса? И тогда его политическая ирония в том, что неоимперский образ постсоветской России был более европоцентричным, чем постимперский и этнонационалистически ориентированный проект «новой России», по определению вступающий в противоречие с западной политикой и идеологией.

Глобальный уровень – мировая и европейская политика

Запад и Россия по разному интерпретировали результаты распада СССР и завершения холодной войны, особенно без четкой де-юре фиксации новой глобальной и региональной реальности. С восстановлением России после

глубокого политического и экономического кризиса это обстоятельство с неизбежностью создало питательную основу для формирования противоречий как на постсоветском пространстве, так и на мировой арене.

Западные страны, воспринявшие завершение холодной войны и распад СССР как свою безусловную политическую и идеологическую победу, попытались акклиматизировать европейские и мировые институты, созданные для противоборства в годы холодной войны, к новой и более выгодной для них политической реальности. В этом контексте следует рассматривать и расширение НАТО, и «Восточное партнерство» ЕС, и концепцию гуманитарной интервенции, и парадигмы ускоренной демократизации постсоветского пространства или т.н. «Большого Ближнего Востока», и т.д. Это привело лишь к еще большему недовольству и недоверию между Россией и Западом. Стремление привнести культурные ценности и политические подходы одной группы внешнеполитических акторов сопровождалось резким идеологическим противостоянием, на фоне длящихся четверть века попыток построения США т.н. однополярного мира. Продвижение либеральных (неолиберальных) норм, в комбинации с глобализацией экономических, общественно-политических и идеологических подходов, столкнулось с консервативностью России и ее иной экономической и общественно-политической реальностью. Эта реальность базируется пусть и на инерционном, но все же действенном военно-силовом ресурсе, включая ядерное оружие. Мюнхенская речь Путина 2007 года, августовская война 2008 года в Грузии и вспыхнувший с начала 2014 года украинский кризис продемонстрировали всю противоречивую динамику этого процесса.

Украинский кризис и последовавшая за ним сирийская кампания Москвы подвели черту под попытками России более мягко противодействовать Западу на региональном и даже глобальном уровнях. Россия окончательно превратилась (в зависимости от политических интерпретаций) или в страну-ревизиониста, пытающуюся оспорить результаты окончания холодной войны и развала СССР, или же в чрезвычайно мотивированного апологета статус-кво, стремящегося не допустить дальнейшую потерю своего влияния и позиций на постсоветском пространстве.

Украинский кризис также еще более наглядно продемонстрировал и иную важную проблему, напрямую повлиявшую на возникновение разделительных линий в Европе и на постсоветском пространстве. Углубился кризис современного

международного права, кодифицированного в ходе предыдущей международной политико-правовой реальности и миропорядка (Ялтинско-Потсдамская система и Хельсинский процесс).

«Крымский прецедент» в марте 2014 года – референдум в Крыму и его последующее присоединение к России – фактически лишил сакральности саму идею нерушимости постсоветских границ. Глубокий кризис современного международного права привел к закономерным последствиям, которые Запад инициировал признанием Косово в феврале 2008 года, а Россия дополнила практически односторонним признанием Абхазии и Южной Осетии в августе 2008 года. Действующее международное право в какой-то степени является результатом, инерцией и атавизмом холодной войны. Распад СССР, Югославии и Чехословакии, а также исчезновение ГДР – другого подписанта Заключительного акта СБСЕ 1975 года в Хельсинки (фактически кодифицировавшего нынешнее международное право и зафиксировавшего некую ситуацию периода холодной войны), выявили тенденцию того, что международное право после 1990-х годов оказалось неспособным адаптироваться к новой мировой политике.

Этот процесс длится уже более четверти века и будет продолжаться до тех пор, пока международное право не будет приведено в соответствие с новыми реалиями, которые будут учитывать и фактор Косово, и фактор Карабаха, и многие другие подобные случаи. На постсоветском пространстве сохраняется и даже усиливается противоречие между политической практикой принципа самоопределения и схоластической идеей неприкосновенности административных границ бывших советских республик, после распада СССР ставших межгосударственными.

Производным от общего политического и идеологического кризиса между Россией и Западом стал также кризис режимов контроля над вооружениями и институтов по обеспечению безопасности в Европе и сопредельных регионах (хотя ситуация несколько отличается в вопросе по конвенциональным и ядерным вооружениям и режимами их контроля). Перспективы достижения договоренности между Россией и НАТО/ЕС/США по вопросам безопасности и контролю над обычными вооружениями сталкиваются с опасениями западных контрпартнеров Москвы тем самым заложить основы новой Ялтинско-Потсдамской системы или Хельсинского процесса. Иными словами – фактически легитимизировать Россию как равного или равнозначного военно-политического и внешнеполитического партнера на пространстве европейской или даже глобальной безопасности. Россия, в свою очередь, не желает принимать

достигнутые в постсоветский период режимы и договоренности в этой сфере, как ограничивающие ее суверенитет, реальные военно-стратегические возможности и принижающие, как это видится многим в Москве, ее статус великой державы (например, как это произошло с ДОВСЕ).

Попытка ЕС выстроить пояс сотрудничества вдоль периметра его южных и особенно восточных границ привела к обратному эффекту. Программа «Восточного партнерства» была воспринята Россией как попытка создать новый «санитарный кордон» против Москвы. В ответ Россия начала формировать параллельный или противостоящий этой программе ЕС Евразийский экономический союз. На юге ЕС столкнулся с не менее сложными проблемами в виде «Арабской весны», которая превратилась в миграционный кошмар и обострила террористические угрозы, усилившие системный кризис в самом Европейском союзе. Как продемонстрировал Brexit и правоконсервативный тренд внутри ЕС, существенно снизились возможности и готовность Брюсселя вовлекаться в политические процессы на постсоветском пространстве. Но от этого уровень и смысл разделительных линий на постсоветском пространстве существенно не изменились.

***

Таким образом, возникает ряд вопросов. Является ли нынешняя ситуация на постсоветском пространстве театром новой холодной войной или это еще более непредсказуемая и неконтролируемая реальность? Имеем ли мы дело с новым феноменом, главное отличие которого от холодной войны не в вопросе идеологического или системного антагонизма, а в том, что противостояние между Россией и Западом является пусть и очень существенным, но уже всего лишь одним из элементов глобальной политики и безопасности? Именно от ответов на эти вопросы и зависит, как будут развиваться разделительные линии на постсоветском пространстве и вокруг него.

Сергей Минасян
доктор политических наук, заместитель директора Института Кавказа (Армения)